

L. Hogeweg, H. de Hoop, A. Malchukov (eds.). Cross-linguistic semantics of tense, aspect and modality. Amsterdam: John Benjamins, 2009. vii + 408 p.

Рецензируемый сборник статей «Типологическая семантика времени, аспекта и модальности» был выпущен по итогам конференции «TAM TAM: Cross-linguistic semantics of tense, aspect and modality», прошедшей в Неймегене (Нидерланды) в 2006 г. Целью организаторов конференции было собрать вместе представителей формальной семантики и типологии, исследующих эти категории в сравнительно мало изученных языках. В сборник входит предисловие и 14 статей, 5 из которых посвящены категории аспекта (и ее взаимодействию с категорией времени), а 9 посвящены модальности.

В предисловии, написанном редакторами сборника, реферируется содержание статей, входящих в сборник, и предлагается тематическое разделение этих статей. По мнению редакторов, все статьи можно разделить на 4 группы: (1) статьи о взаимодействии времени и аспекта, (2) статьи о модальности и фактивности (factuality), (3) статьи о других подходах к модальности и (4) статьи о взаимодействии

падежа и модальности. Мне кажется, что в целом такое разделение разумно, хотя статья Девиса, Меттьюсон и Руллмана (см. ниже) скорее относится к «другим подходам к модальности» и могла бы соседствовать со статьей Ф. Наузе. В предисловии кратко и точно указываются основные идеи статей.

В статье А. Мальчукова «Несовместимые категории» обсуждается явление несовместимости грамматических категорий на примере категорий перфектива и настоящего времени. Перфектив, с точки зрения автора, обозначает взгляд на ситуацию как на ограниченную (bounded), в то время как настоящее время означает, что ситуация разворачивается в момент речи – очевидно, что два этих значения несовместимы; между тем морфемы, выражающие эти значения, могут сочетаться. Языки по-разному справляются с такой ситуацией: во-первых, сочетание несовместимых категорий может быть неграмматично, во-вторых, при сочетании может изменяться значение одной или обеих морфем. В русском языке соче-

тание перфектива и настоящего времени интерпретируется как будущее время (*приду*), то есть значение настоящего времени не сохраняется, а перфектив сохраняется. С другой стороны, в болгарском то же сочетание морфем интерпретируется как генерическое настоящее (нарративное или хабитуальное), то есть теряется значение перфектива с сохранением значения настоящего времени¹.

Мальчуков считает, что семантическая несовместимость является не единственным фактором, влияющим на сочетаемость морфем: на это влияет также взаимная релевантность категорий. В частности, аспектуальные различия более важны при описании прошлого, чем будущего, хотя в принципе будущее время семантически сочетается с разными аспектами; значит, аспект будет скорее выражаться в прошедшем времени, чем в будущем. По мнению автора, взаимодействие категорий можно формализовать при помощи теории оптимальности (синтаксической и семантической). Так, иерархию релевантности сочетаний времени и аспекта можно представить в виде иерархии ограничений (*constraints*):

*PFV&PRES >> *PFV&FUT >> *PFV&PAST

Данная иерархия означает, что ограничение на сочетание перфектива и настоящего времени наиболее маркировано (следовательно, это наиболее сильный запрет), а сочетание перфектива и прошедшего времени наименее маркировано. Кроме этой иерархии, используются также так называемые ограничения достоверности (*faith constraints*), которые требуют, чтобы элементы сохранялись на всех уровнях деривации, например, *faith(PFV)* требует, чтобы значение перфектива было выражено в виде морфемы. Если в языке ограничение *PFV&PRES более маркировано, чем ограничения *faith(PFV)* и *faith(PRES)*, то сочетание морфем перфектива и настоящего времени будет невозможно.

Для того чтобы объяснить изменения значений морфем, как в русском и болгарском языках, используется семантическая теория оптимальности, в которой моделируется интерпретация форм. В ней есть такие ограни-

чения, как *fit*, запрещающее семантически несовместимые категории, а также *faith(asp)* и *faith(tense)*, требующие, чтобы морфемы аспекта и времени соответственно сохраняли свои значения. Таким образом, в русском языке наиболее высоко маркировано ограничение *fit* (поэтому значения настоящего времени и перфектива не сочетаются), а *faith(asp)* более маркировано, чем *faith(tense)*, поэтому значение аспекта сохраняется, а значение времени – нет. В болгарском языке ограничение *fit* тоже маркировано наиболее высоко, но *faith(tense)* более маркировано, чем *faith(asp)*, поэтому сохраняется значение настоящего времени. В целом можно сказать, что формальный аппарат теории оптимальности успешно описывает некоторые ситуации, связанные с несовместимыми категориями, однако непонятно, что объясняет эта теория и какие она делает предсказания. Кроме того, как мы видели в случае болгарского языка, взаимодействие времени и аспекта часто является гораздо более тонким и сложным, чем это представлено в статье: считать, что болгарский перфективный презенс полностью лишен перфективной семантики, – явное упрощение.

В статье К. Бари «Различие перфектива / имперфектива» описываются данные древнегреческого языка и приводятся аргументы против анализа грамматической семантики глагольных форм в терминах «принуждения» (*coercion*), предложенного Де Сварт [de Swart 1998] на материале французского языка. Во французском языке формы прошедшего *passé simple* и *imparfait*, как известно, различаются аспектуальным значением: в интерпретации автора статьи, *imparfait* в сочетании с гомогенными (*homogeneous*), то есть неспредельными, предикатами означает дуративное действие в прошлом (*спал*), а в сочетании с предельными предикатами выражает дополнительные значения прогрессива или регулярно повторяющейся ситуации (*хабитуалис*). *Passé simple* в сочетании с квантованными (*quantized*), то есть предельными, предикатами означает законченное действие в прошлом, а в сочетании с неспредельными предикатами выражает начало действия (*ингрессив*) или «событийную интерпретацию» действия в прошлом.

Де Сварт предлагает считать эти показатели не показателями аспекта, а показателями времени, чувствительными к классу предиката. В пользу этого анализа говорит, в частности, тот факт, что эти показатели употребляются только в прошедшем времени, и в формах глагола отсутствуют отдельные показатели времени и аспекта. К. Бари показывает, что в древнегреческом есть похожие по функции показатели аориста и имперфекта, однако они употребля-

¹ Однако нельзя сказать, что перфективное значение в таких контекстах полностью теряется: от него остается по крайней мере значение однократности, почти всегда в той или иной степени присутствующее, как и в русских хабитуальных употреблениях презенса СВ (см. подробнее, например [Маслов 1956: 231–233]). Что касается нарративных употреблений болгарского перфективного презенса, то к ним, на наш взгляд, вряд ли приложимо определение «генерических».

ются не только в прошедшем времени, а время и аспект выражаются отдельными морфемами. Исследовательница предлагает считать, что эти показатели выражают аспект, то есть при использовании показателя аориста ситуация рассматривается как квантованная, а при использовании показателя имперфектива – как гомогенная. В зависимости от класса предиката показатели аспекта могут добавлять или не добавлять значения.

Кажется довольно тривиальным утверждение, что в языке, в котором показатели аспекта выражаются отдельно от показателей времени и сочетаются с различными показателями времени, аспект является аспектом, а не контекстно-чувствительным временем. Непонятно, насколько анализ Бари применим к французскому языку. Бари обсуждает некоторые дополнительные аргументы за и против своего анализа (такие, как сфера действия наречий и многозначность показателей), но эти аргументы не доказывают убедительно преимущества анализа Бари. Возможно, более убедительные аргументы содержатся в диссертации [Bagy 2009], на которую автор ссылается.

В статье П. Аркадьева «Лексические и композиционные факторы в аспектуальной системе адыгейского языка» описывается классификация глаголов этого языка по акциональным классам и их взаимодействие с наречиями времени. Автор, следуя методике, предложенной в [Tatevosov 2002; Татевосов 2005], разделяет так называемые «внутреннюю» и «внешнюю» аспектуальность, т. е. акциональный класс предиката и грамматический аспект соответственно. Акциональный класс предиката – это пара, состоящая из универсальных элементарных акциональных значений (таких, как состояние, процесс, вхождение в состояние и т. д.), где первый элемент – значение предиката в имперфективном контексте, а второй – в перфективном контексте. В адыгейском языке в качестве имперфективного контекста используется настоящее время, а в качестве перфективного – прошедшее время. На материале 130 глагольных лексем П. Аркадьев выделяет 7 акциональных классов, каждый из которых представлен и в других языках.

Интересно, что в адыгейском языке почти не представлены «слабые» (по терминологии С.Г. Татевосова) классы, то есть такие, которые в перфективном контексте имеют две интерпретации: например, у глагола со значением 'любить' в претерите есть интерпретация вхождения в состояние, но не состояния (1). Между тем оказывается, что наречия длительности (такие, как 'пять лет') в претерите с глаголами сильных классов тем не менее сочетаются (2), в результате чего у этих глаголов возникает длительная интерпретация, отсутствующая в

предложениях без наречий.

- (1) ξ' ale-m pšaše-r ξ_w ə
boy-OBL girl-ABS good
ə-lex_wə-в.
3SG.A-PRS-see-PST

'Мальчик полюбил девочку || *любил девочку (некоторое время)'.

- (2) ξ' ale-m pšaše-r jəles-jə-tfe
boy-OBL girl-ABS year-INF-five
 ξ_w ə ə-lex_wə-в.
good 3SG.A-PRS-see-PST

'Мальчик любил девочку 5 лет'.

Автор делает вывод, что наречия составляют дополнительный аспектуальный уровень, который взаимодействует с акциональным классом глагола и глагольным аспектом. В качестве одного из аргументов в пользу своего анализа автор описывает нефинитную форму с префиксом *zere-* и суффиксом *-ew*, которая имеет пунктивную или дуративную интерпретацию в зависимости от акционального класса глагола. От глаголов сильных классов, которые в присутствии наречия могут обнаруживать и длительную интерпретацию, эта форма все же имеет только одну, пунктивную, интерпретацию. Одним из важных практических выводов этой работы является то, что следует с осторожностью использовать наречия времени в качестве теста для проверки акционального класса предиката, так как в некоторых языках наречия «принуждают» предикат получить интерпретацию, которая ему не свойственна.

В статье С. Татевосова и М. Иванова «Структура события некульминационного процесса» описывается явление, присутствующее в разных языках мира, которое заключается в том, что глаголы вендлеровского класса «accomplishment» (≈ предельного процесса) могут получать интерпретацию неудавшейся попытки или частично успешной деятельности в определенных формах (или при сочетании с наречиями длительности):

- (3) Вася пооткрывал дверь пять минут и бросил (неудавшаяся попытка).
(4) Вася позаполнял анкету пять минут (частично успешная деятельность).

В ряде языков для некоторых предикатов возможны также оба прочтения.

Авторы обсуждают различные способы формализации этого явления в частности и понятия предельного процесса в целом, в том числе декомпозиционную и каузативную трактовку, и приходят к выводу, что ни одна из них не может адекватно описать это явление. Они предлагают использовать теорию, изложенную в [Rothstein 2004], в которой частью значения

глаголов класса исполнения является инкрементальное отношение INCR между подсобытиями. Например, в значение предиката *писать* (письмо) входит подсобытие активности (агента пишет письмо) и подсобытие изменения состояния (письмо оказывается написанным); эти подсобытия связаны инкрементальным отношением, то есть каждая часть подсобытия написания письма связана с частью подсобытия «быть написанным». Таким образом, если событие «писать письмо» не достигает кульминации, возникает прочтение частичного успеха, так как частичная активность по написанию письма приводит к появлению части письма.

В то же время другие глаголы, такие как *открывать* (дверь), имеют иное значение, в частности, они содержат не отношение INCR, а отношение MMFP (отображение на минимальную финальную часть). Это отношение означает, что подсобытие изменения состояния («стать открытым») отображено в финальную минимальную часть подсобытия деятельности («открывать»). Таким образом, если событие «открывать» не достигает кульминации, то подсобытие «стать открытым» вообще не происходит, так как оно произошло бы только при достижении финальной части подсобытия деятельности «открывать», и возникает прочтение неудавшейся попытки.

В статье Н. Ромео «Грамматическое употребление бирманских глаголов *la* 'приходить' и *θwà* 'уходить'» описывается грамматикализация глаголов со значением приближения к дейктическому центру и удаления от него. Глагол *la*, который означает движение к дейктическому центру, употребляясь в качестве приглагольного суффикса, означает вхождение в процесс или состояние (инхоатив / ингрессив), причем это вхождение является естественным результатом какого-то действия или состояния. Глагол *θwà*, который используется в смысле движения от дейктического центра, употребляясь в качестве приглагольного суффикса, тоже означает вхождение в процесс или состояние, но мгновенное или неожиданное, а также вхождение в нежелательное состояние (например, умереть); кроме того, он может выступать в функции декаузативного показателя. По мнению автора, грамматикализированные употребления этих глаголов – это метафорическое развитие их лексических значений.

В статье Р. Ван Гейна и С. Гиппер «Ирреалис в юракаре и других языках» на основании анализа данных языка-изолята юракаре и нескольких других языков утверждается, что категория ирреалиса, существование которой как единой типологической категории подвергалось сомнению [Bybee et al. 1994], на самом деле существует. Авторы предлагают иерархию

значений, которые могут вызывать появление показателя ирреалиса. Чаще всего ирреалисом маркируется контрфактивное значение; значение возможности также может маркироваться ирреалисом, причем авторы выделяют два подвида возможности: с уверенностью говорящего или без уверенности говорящего. Это разделение объясняет тот факт, что в некоторых языках императив и будущее время могут маркироваться или не маркироваться показателем ирреалиса. Если говорящий уверен, что событие произойдет, или что команда должна быть выполнена, то показатель ирреалиса отсутствует. Показатель ирреалиса также встречается в некоторых языках в сочетании с хабитуальным аспектом. По мнению авторов, это можно объяснить тем, что действие, маркированное этим аспектом, является неспецифицированным во времени, а вневременные значения тоже сочетаются с ирреалисом. Авторы также замечают, что в некоторых языках отрицание сочетается с ирреалисом, но не включают отрицательные контексты в иерархию, объясняя присутствие ирреалиса различиями сферы действия.

Существование иерархии является теоретически значимым выводом; иерархия предсказывает, что если в языке ирреалисом маркировано, например, будущее время, то и контрфактив будет обязательно маркирован ирреалисом. Однако авторы сами указывают возможные контрпримеры к своей иерархии: в языке йимас (Yimas) показателем ирреалиса маркируются вневременные события, но не контрфактивные, а в языке пининь кун-вок (Bininj Gun-Wok) ирреалис употребляется только с хабитуальным аспектом. Также не очень понятно основание для исключения из иерархии отрицания. Между тем читатели, владеющие русским языком, могут обратиться к сборнику [Ландер и др. 2004], в котором категория ирреалиса рассмотрена очень подробно.

В статье Р. Маркеша «Выбор наклонения в зависимых предложениях» предлагается формулировка единого правила выбора наклонения в романских языках. Как известно, в этих языках в зависимых предложениях может использоваться сослагательное наклонение (subjunctive) или индикатив, в зависимости от матричного глагола, а также других факторов. Автор статьи показывает, что выбор наклонения нельзя объяснить фактивностью матричного глагола, (ир)реальностью ситуации и типом речевого акта, как это делали другие исследователи.

Маркеш утверждает, что можно сформулировать правила выбора индикатива: для фактивных глаголов индикатив выбирается, если глагол выражает оценку говорящим (или субъектом главного предложения) вероятности

события, описываемого в зависимом предложении, и не выражает других модальных значений. То есть, глагол со значением «знать», который выражает уверенность говорящего в содержании зависимого предложения, требует индикатива, а глагол «радоваться», который дополнительно выражает эмоциональную оценку зависимого предложения, сочетается с сослагательным наклонением. В случае нефактивных глаголов ситуация та же: с глаголами оценки вероятности события (эпистемическая модальность например, «верить») может употребляться индикатив, а с глаголами, выражающими другую модальность («хотеть»), – сослагательное наклонение. Кроме того, сослагательное наклонение может употребляться и с глаголами оценки вероятности события, если не очень высока уверенность говорящего в событии, описываемом зависимым предложением.

Нужно отметить, что в статье используются примеры из русского языка, цитируемые по [Noonan 1985], которые являются как минимум странными (*Я люблю, что Борис придет*) и содержат опечатки. Остается надеяться, что примеры из португальского языка, носителем которого является автор статьи, более достоверны.

В статье Г. Девиса, Л. Меттьюсон и Х. Руллмана «Показатель неконтролируемости как обстоятельственная модальность в языке лиллуэт» описывается набор значений циркумфикса *ka-...-a* и предлагается единообразный анализ этих значений. Данный циркумфикс имеет следующие значения: возможность ('ability'), удачное выполнение ('manage'), случайное событие, внезапное (неожиданное) событие и неконтролируемое действие (например, *светало*). Авторы утверждают, что первые два значения являются на самом деле одним значением возможности (на русский язык первое значение переводится как «мочь», а второе как «смочь»). Три других значения тоже объединяются в одно: во-первых, случайное событие часто является неожиданным, неожиданность – это следствие случайности; во-вторых, случайное событие – это событие, которое агент мог бы контролировать, но не контролировал, а неконтролируемое событие – это событие, которое участник вообще не может контролировать. Таким образом, эти три значения объединяет неконтролируемость или отсутствие выбора.

Авторы статьи утверждают, что модальность в языке лиллуэт радикальным образом отличается от модальности в английском языке. В английском языке модальные глаголы могут выражать разные модальности, например, эпистемическую и деонтическую, но обязательно выражают значения или квантора общности (долженствование: *must*; ситуации

в предложении соответствуют все возможные миры), или квантора существования (возможность: *can*; ситуации в предложении соответствуют некоторые возможные миры). Ср. английские примеры:

- (5) John must be the murderer.
'Джон, должно быть, убийца' (эпистемическая модальность, универсальный квантор²).
- (6) John must go to jail.
'Джон должен сесть в тюрьму' (деонтическая модальность, универсальный квантор).

В то же время в языке лиллуэт разные модальности выражаются разными показателями, но эти показатели не имеют фиксированного кванторного значения и могут интерпретироваться и как долженствование, и как возможность. Например, суффикс *-ka* может значить 'может' или 'должен', но выражает только деонтическую модальность.

Циркумфикс *ka-...-a* предлагается анализировать как показатель обстоятельственной модальности, и тогда все его значения сводятся к одному: выражению этой модальности с нефиксированным кванторным значением. Значение возможности – это обстоятельственная возможность (обстоятельства складываются так, что действие возможно), а значение неконтролируемости – это обстоятельственное долженствование (обстоятельства складываются так, что действие должно совершиться, следовательно, оно не контролируется агентом). В статье очень убедительно показано, что, если учитывать различные подходы языков к выражению модальных значений, можно обнаружить единство значений на первый взгляд многозначного показателя.

В статье К. де Схеппера и Й. Звартса «Геометрия модальности» сравниваются два метода описания области модальных значений: семантические карты [van der Auwera, Plungian 1998] и описание при помощи признаков (features). Авторы показывают, что семантическую карту, в которой упоминаются значения «внешняя модальность», подвидом которой является

² Как можно видеть, авторы исходят из формально-логического понимания модальных операторов. При таком подходе «универсальность» квантора означает, что во всех нормальных возможных мирах, в которых релевантные для данной ситуации обстоятельства совпадают с реальным миром, Джон является убийцей (подробнее см. [Kratzer 1991]). Данный анализ принимается далеко не всеми лингвистами; о проблемах, связанных с этим подходом, см. также статью Наузе в рецензируемом сборнике.

деонтическая модальность, «внутренняя модальность», и эпистемическая модальность, можно переформулировать при помощи признаков +/- внутренняя, +/- пропозициональная (+ пропозициональная = эпистемическая) и +/- деонтическая (таким образом, деонтическая модальность не является подвидом внешней модальности). Два этих метода различаются своими предсказаниями.

Метод признаков предсказывает существование внутренней деонтической модальности (+ внутренняя, + деонтическая), а не только внешней деонтической. Авторы утверждают, что нидерландский язык служит доказательством существования такой модальности. Они говорят, что примером внутренней деонтической модальности можно считать предложения типа *Комитет может номинировать Яна*, где комитет является прямым получателем разрешения, в то время как в предложении типа *Ян может быть номинирован* Ян не является получателем разрешения, поэтому это внешняя деонтическая модальность. Оказывается, что в нидерландском языке предложения с внутренней модальностью (+/- деонтической) ведут себя как предложения контроля, а предложения с внешней модальностью – как предложения подъема, таким образом, подтверждается гипотеза о различии внутренней и внешней деонтических модальностей.

Кроме того, метод признаков, в отличие от метода семантической карты, предсказывает, что не существует маркера, который выражал бы одновременно внутреннюю деонтическую и недеонтическую (+ внутренняя, +/- деонтическая), а также внешнюю деонтическую модальности (- внутренняя, + деонтическая), но не внешнюю недеонтическую (- внутренняя, - деонтическая), так как такую комбинацию нельзя описать одним набором признаков. Однако нидерландский глагол *kunnen* 'мочь' как раз является контрпримером, впрочем, интуиция носителей в этом отношении не очень однозначна. Главным выводом статьи является то, что у метода семантических карт нет преимуществ перед более традиционным методом признаков; однако авторы не обсуждают тот факт, что метод семантических карт предназначен прежде всего для диахронического описания развития значений, и не обсуждают, как метод признаков справляется с этой задачей.

В статье Й. ван дер Ауверы, П. Кехайова и А. Виттран «Показатели модальности на основе глаголов получения» описывается грамматикализация глаголов получения (например, англ. *get*), в показателе возможности (7), на примере языков северной Европы и юго-восточной Азии.

- (7) I get to watch TV tonight.
'Мне разрешили сегодня вечером смотреть телевизор'.

Авторы замечают, что на основе глаголов получения возникают показатели внутренней и внешней возможности. Встречаются языки, где такие глаголы выражают только внешнюю возможность, или и внешнюю, и внутреннюю, но ни в северной Европе, ни в юго-восточной Азии не встречается языков, где бы такие показатели выражали только внутреннюю возможность. Это является аргументом в пользу того, что показатели внешней возможности могут обретать значение внутренней возможности, хотя ранее предполагалось, что возможен только обратный процесс [van der Auwera, Plungian 1998]. Таким образом, данные о грамматикализации глаголов получения заставляют изменить семантическую карту модальности, добавив возможное направление изменения значения.

В статье А. Фоолена и Х. де Хооп «Конфликтующие ограничения на интерпретацию модальных вспомогательных глаголов» описываются факторы, которые влияют на интерпретацию модальных глаголов в нидерландском языке, т.е. на выбор эпистемической, внешней или внутренней модальности; это, как известно, одна из наиболее обсуждаемых проблем в современной литературе по типологии модальности (ср., например, недавний обзор различных теорий в монографии [Pietrandrea 2005]). В статье, в частности, утверждается, что нидерландский глагол *kunnen* 'мочь' имеет базовое значение внутренней возможности (8), а глагол *moeten* 'быть должным' имеет базовое значение деонтической (внешней) необходимости (9).

- (8) Hij kan zwemmen.
'Он может / умеет плавать' (внутренняя модальность).
(9) Hij moet zwemmen.
'Он должен / обязан плавать' (внешняя модальность).

Однако существуют контексты, в которых эти глаголы могут получать другую интерпретацию. Например, если в качестве зависимого используется глагол физиологической деятельности (такой, как *plassen* 'мочиться'), даже модальность необходимости обычно интерпретируется как внутренняя, поскольку и зависимый глагол сам по себе выражает внутреннюю потребность. Точно так же, в сочетании с неконтролируемыми предикатами (такими, как 'быть больным') оба модальных глагола интерпретируются эпистемически, поскольку и внутренняя, и внешняя модальность предполагает некоторую степень контролируемости. В сочетании с прогрессивом оба глагола также пред-

почитают эпистемическую интерпретацию, так как прогрессив имеет импликацию фактивности (если действие происходит в настоящий момент, то оно реально), в отличие от предикатов внутренней и внешней модальности. Поскольку эпистемическая модальность – это лишь оценка говорящим фактивности события, в случае эпистемической интерпретации семантического конфликта не происходит. Наконец, в сочетании с граммемой второго лица модальность у обоих глаголов интерпретируется скорее как внешняя, поскольку второе лицо имеет тенденцию сочетаться с приказанием:

- (10) Je moet hoesten.
‘Ты должен кашлянуть’.

В данном примере ожидалась бы внутренняя модальность, так как используется глагол физиологической деятельности, но на самом деле модальность интерпретируется как внешняя.

Следует указать, что все эти факторы, неоднократно анализировались в существующей литературе. Относительной новизной данной статьи является, пожалуй, лишь то, что все упомянутые факторы формализуются как ограничения в теории оптимальности, моделирующие выбор интерпретации в разных контекстах. Заметим, однако, что лишь для двух факторов (второе лицо и физиологическая деятельность) показано их взаимодействие, а как будет интерпретироваться, например, модальный глагол в сочетании с неконтролируемым глаголом физиологической деятельности («Он может / должен дрожать»), из анализа неясно; в целом непонятно, что предсказывает данная формализация.

В статье Ф. Наузе «Модальность и зависимость от контекста» критикуется формально-логический подход к модальным операторам, предложенный в работах А. Кратцер [Kratzer 1991]. Согласно этому подходу, сам модальный оператор только указывает кванторное значение (универсальный квантор = долженствование, квантор существования = возможность), а модальность (эпистемическая, деонтическая и т.д.) определяется контекстом. Например, при эпистемической модальности значение предложения, к которому относится модальный оператор, оценивается относительно известных фактов, а при деонтической модальности относительно релевантных условий и установленных правил. Автор статьи указывает три проблемы для такого анализа. Во-первых, это интерпретация деонтической модальности в предложениях с условными придаточными: формальный анализ в духе Кратцер делает в этом случае ложные предсказания. Во-вторых, это сфера действия модальных операторов:

эпистемическая модальность всегда имеет более широкую сферу действия, чем деонтическая:

- (11) John may have to pay more taxes.
‘Может быть, Джон должен платить больше налогов’ (эпист. *may*, деонт. *have to*).
*‘Разрешено, чтобы Джон наверняка платил больше налогов’ (эпист. *have to*, деонт. *may*).

В-третьих, как уже упоминалось в статье Девиса, Меттьюсон и Руллмана, в языке лиллут модальные показатели выражают только одну модальность, но не фиксированы в отношении кванторного значения, что противоречит теории Кратцер.

Наузе считает модальные операторы многозначными, то есть, например, английское *must* ‘быть должным’ не получает эпистемическую или деонтическую модальность в зависимости от контекста, а изначально имеет эпистемическое и деонтическое значения, и в зависимости от контекста выбирается одно из этих значений. В языке лиллут в таком случае модальные операторы изначально немногозначны. Наузе предлагает формализацию модальности при помощи понятия «список задач» (to-do list). С использованием этого понятия моделируется информационное состояние (information state) говорящего, которое по мере произнесения предложений пополняется новой информацией. Автор утверждает, что такой подход помогает решить все упомянутые выше проблемы анализа модальных операторов.

В статье Б. Парти и В. Борщёва «Сдвиг значения глагола под отрицанием, интенциональность и имперфективность» обсуждается генитивное маркирование дополнений в русском языке, а также связь партитивности и имперфективности. В русском языке родительным падежом маркируется дополнение в отрицательных предложениях (*Он не читал письма*) и в интенциональных контекстах (*Он ждет ответа на вопрос*). Отрицание само по себе не является интенциональным оператором, поэтому связь между этими контекстами неочевидна. Авторы обсуждают различные объяснения генитивного маркирования в этих контекстах, такие как различия в сфере действия, различия в референтности именных групп в разных падежах, различие семантических типов именных групп в разных падежах, и показывают, что все эти объяснения частично справедливы, но не лишены проблем. Они замечают, что отрицание иногда оказывается интенциональным, точнее, может сочетаться с нулевым модальным оператором, что следует, например, из возможности употребления сослагательного наклонения при отрицании в главном предложении:

- (12) *Я видел человека, который бы считал иначе.
 (13) Я не видел человека, который бы считал иначе.

Авторы также обсуждают параллель между употреблением родительного падежа при отрицании и имперфектива в отрицательных приказах:

- (14) Не строй / *построй дом.

Как употребление генитива, так и употребление имперфектива при отрицании – это исторически эмфатические конструкции, так как они выражают более сильное отрицание. Родительный падеж употребляется в неотрицательных предложениях в значении партитива («выпить воды»), и в этом значении в сочетании с отрицанием дает более сильное отрицание: из «не выпить воды» следует «не выпить воду», но не наоборот. Так же и из «не строить дом» следует «не построить дом», но не наоборот.

Завершает сборник статья А. Тамм «Эстонский партитивный эвиденциалис», в которой описывается глагольный показатель *-t*, совпадающий по форме с партитивным падежом. Тамм утверждает, что это совпадение не случайно. Партитивный падеж в эстонском языке в сочетании с глаголом прошедшего времени означает неопределённое прочтение предложения («читал книгу»), в то время как аккумулятив означает предельное прочтение («прочитал книгу»), то есть аспект выражается падежом. Тамм говорит, что семантика партитива – это маркирование неполного события.

Тот же показатель может появиться на причастной форме главного глагола и в таком случае выражает категорию эвиденциалиса. Автор статьи предлагает три гипотезы о значении этого показателя: эвиденциальную (показатель употребляется, когда говорящий не является свидетелем события), эпистемическую (показатель употребляется при низкой степени уверенности говорящего) и партитивную (показатель употребляется при неполных доказательствах события). Она утверждает, что третья гипотеза является правильной: во всех контекстах, в которых употребляется этот показатель, у говорящего нет достаточных доказательств события, выраженного предложением.

Таким образом, показатель *-t* выражает партитивное значение в обоих употреблениях: при сочетании с существительным это значение заключается в неполноте события, описываемого глаголом, а при сочетании с глаголом – в неполноте доказательств.

В целом можно сказать, что сборник статей представляет большой интерес для лингвистов, изучающих категории модальности и аспекта (и в меньшей степени категорию времени). В сборнике представлены разные теоретические направления и формализмы, а также в высшей степени интересные данные различных языков мира. Сборник достаточно аккуратно издан: небольшое число опечаток, которые в некоторых статьях все же присутствуют (в том числе и в русских примерах, как отмечалось выше), в основном не мешают восприятию текста.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ландер, Плунгян, Урманчиева 2004 – Ю.А. Ландер, В.А. Плунгян, А.Ю. Урманчиева (ред.). Исследования по теории грамматики. Вып. 3: Ирреалис и ирреальность. М., 2004.
 Маслов 1956 – Ю.С. Маслов. Очерк болгарской грамматики. М., 1956.
 Татевосов 2005 – С.Г. Татевосов. Акциональность: типология и теория // ВЯ. 2005. № 1.
 van der Auwera, Plungian 1998 – J. van der Auwera, V. Plungian. Modality's semantic map // Linguistic typology. 1998. 2 (1).
 Bary 2009 – C. Bary. Aspect in Ancient Greek. A semantic analysis of the aorist and imperfective. Ph.D. diss. Nijmegen, 2009.
 Bybee, Perkins, Pagliuca 1994 – J.L. Bybee, R. Perkins, W. Pagliuca. The evolution of grammar: tense, aspect, and modality in the languages of the world. Chicago, 1994.
 Kratzer 1991 – A. Kratzer. Modality / Conditionals // A. von Stechow, D. Wunderlich (Hrsg.). Semantik: Ein internationales Handbuch der zeitgenössischen Forschung. Berlin, 1991.
 Noonan 1985 – M. Noonan. Complementarization // T. Schopen (ed.). Language typology and syntactic description. V. II. Cambridge, 1985.
 Pietrandrea 2005 – P. Pietrandrea. Epistemic modality: Functional properties and the Italian system. Amsterdam, 2005.
 Rothstein 2004 – S. Rothstein. Structuring events: A study in the semantics of lexical aspect. Madlen (MA), 2004.
 de Swart 1998 – H. de Swart. Aspect shift and coercion // Natural language and linguistic theory. 1998. 16.
 Tatevosov 2002 – S.G. Tatevosov. The parameter of actionality // Linguistic typology. 2002. 6 (3).

В.И. Киммельман